

КОСТОРЕЗНОЕ ДЕЛО ЧЖУРЧЖЕНЕЙ

(ПО СЛЕДАМ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ЛЕКТОРИЯ НБ ДВФУ «НАШИ ИСТОКИ:
ИЗ ИСТОРИИ ОСВОЕНИЯ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ»)

Галютин Евгений Сергеевич,
студент Школы искусств и гуманитарных наук ДВФУ,
(научный руководитель – Гельман Е.И., к.и.н., доцент),
г. Владивосток

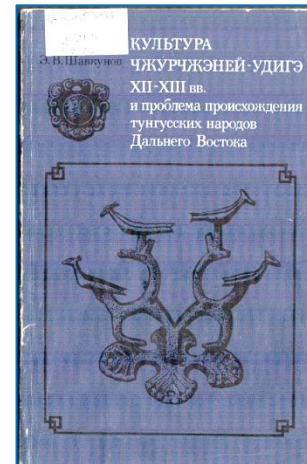

Исследование посвящено косторезному делу чжурчжэней. Этот вид домашнего ремесла является неотъемлемым атрибутом культуры населения как более ранних эпох, так и средневековья. Актуальность данной работы определяется в первую очередь слабой изученностью свидетельств обработки кости. Цель данной работы состоит в рассмотрении истории исследования косторезного дела у чжурчжэней (по материалам археологических исследований памятников Приморского края России). Соответственно, основные задачи заключаются в предварительном подведении итогов работ предшествующих исследователей и определении перспектив дальнейшего изучения косторезного дела чжурчжэней (на основе опубликованных археологических материалов).

Территориально-хронологические рамки представленной работы охватывают время и место существования памятников

чжурчжэньского государства Восточная Ся (1215 – 1234 гг.), найденных на территории Приморского края России, так как исследуемый материал обнаружен на городищах, относящихся преимущественно к этому периоду истории чжурчжэней. Источниками для написания работы стали публикации ряда российских исследователей [1-10]. Для их оценки использовался сравнительно-исторический метод исследования.

Несмотря на давнее знакомство археологов с культурой чжурчжэней и достаточное количество костяных находок и заготовок, обнаруженных на чжурчжэньских городищах (Шайгинское, Горнохуторское, Ананьевское, Новогородеевское, Майское, Лазовское) и селищах (Осиновское, Аргановское, Покровское I), в исследованиях, проводимых на эту тему, частично

рассмотрены отдельные аспекты: перечень костяных артефактов, функциональное назначение некоторых из них [3-5 и 8-10]. Предстоит определить место косторезного дела в хозяйстве чжурчжэней, наличие дифференциации среди мастеров, виды использованного сырья, технологические этапы обработки, выделить производственные площадки. Данная работа не имеет притязаний на научную новизну, особенно не выделяясь на фоне представленных работ на эту тему, а имеет цель акцентировать внимание

исследователей средневековья Приморского края России на косторезном материале, как особом источнике материальной культуры, проживавших на данной территории обществ,

БИБЛИОТЕКИ

отражающем экономико-социальные и духовные аспекты этих обществ.

Косторезное дело как ремесло. Относительно чжурчжэней вопрос о специализации косторезного производства достаточно решён, хотя в исторической науке сам вопрос носит дискуссионный характер [1, с. 55]. Некоторые исследователи считают, что

косторезное дело как ремесленное – именно ювелирное – оформилось одно из первых ввиду употребления в пищу мяса животных, что делало материал необходимо доступным. С тем же успехом кость могла обрабатываться и для изготовления различных предметов быта и/или вооружения (игольники, альчики, пендели, накладки для лука и др.). Леньков [7, с. 157], сообщая в своей работе о ремесленных кварталах Шайгинского городища (Партизанский р-н), делит ремесленное производство чжурчжэней на

две группы: основное – металлообработка, ювелирное дело (по металлу) и стеклообработка, гончарное ремесло; и второстепенное – деревообработка, кожевенное дело, косторезное и др. Отсюда можно вывести, что специалист по обработке кости не мог быть и ювелиром, и/или литейщиком. Однако в жилище №162 Шайгинского городища, принадлежавшем ремесленнику-надомнику [9, с. 93-94] была обнаружена костяная наковаленка для ювелирных работ по металлу и другие следы косторезного производства, а также свидетельства литейного дела. Всё это в конечном итоге способствовало для заключения Э. В. Шавкунова, «что основным занятием хозяев жилища являлось ювелирное ремесло, в частности изготовление металлических, в том числе инкрустированных, и каменных деталей сбруи верхового коня» [9, с. 94], где косторезное дело в производстве играло прикладной характер, не являясь ведущим. Однако стоит учесть замечание

Леонтьева, рассматривавшего материал чукотско-эскимосской косторезной традиции, где «косторез должен быть не только хорошим резчиком-художником, но и (...) способным сделать и заточить себе любой инструмент» [6, с.17]. И здесь можно сделать вывод о вспомогательной функции косторезного дела для других ремёсел и других ремёсел для него.

Сырьевая база формировалась на основе таких видов деятельности чжурчжэней, как: охота на диких животных (косуля, олень, кабан), животноводства (корова, лошадь, собака), а также собирательства сброшенных рогов или костей умерших животных.

Э.В. Шавкунов в своей работе приводит такие интересные данные с Шайгинского городища за 1980 г., когда только 37,5% жилищ вскрыто: «Поддающиеся определению кости принадлежат 591 особи шестнадцати видов домашних и диких животных», где большую часть составляли находки костей домашних животных (корова, свинья, собака, лошадь) [9, с.113]. Автор замечает, что свиньи и собаки забивались в более молодом возрасте, чем коровы и лошади, служившие в хозяйстве до зрелого, но не старого, возраста. Поэтому соотношение на первый взгляд идёт в сторону крупных животных, хотя на деле всё наоборот [9, с. 113-114], что подтверждают исследования Васильевой [5].

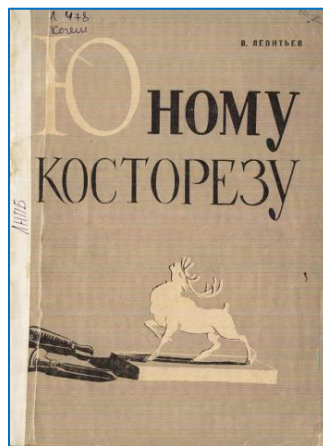
Однако не все кости годились для обработки, часть просто выбрасывалась [5, с.156]. По этой причине костные остатки делятся на останки домашних животных и промысловых [3, с. 132]. Тут же Васильева приводит весьма интересные соотношения костных останков домашних животных и промысловых их видов с чжурчжэньских городищ и поселений [3, с. 132]. Из чего следует, что доля промысловых останков на Шайгинском городище равна всего 3,8% в сравнении с Горнохуторским, где эта доля равна 37%. Так, Горнохуторское по количеству костных остатков занимает третье место после Майского и самого богатого ими Шайгинского городища, но является на данный момент самым крупным промысловым центром относительно косторезного дела [3, с.132].

БИБЛИОТЕКИ

Отсюда следует закономерный вопрос: «А кто эти промысловые виды животных?»

Их фауна включает в себе: парнокопытных, хищных и зайцеобразных [3, с. 131]. Косторезов интересовали рога, клыки, трубчатые кости и др. [5, с. 156]. Поэтому объём промыслового сырья представлен, прежде всего, парнокопытными: косуля (62%) и кабан (28%); в малой степени олень, кабарга и др. [3, с. 131]. Их кости (рога, клыки) представляли наибольшую ценность, обладая рядом характеристик для косторезного производства. К примеру, рог косули мал и ценен по большей части спицей (розетка чаще просто выбрасывается), что не позволяет подвергнуть его расщеплению [1, с. 23-24]. Олений рог на этом фоне становится более востребованным и выгодным, что делает его, учитывая территориальные рамки производства, особенно ценным. Таким образом, сырьевая база косторезного дела строилась на территориальных и производственно-экономических особенностях чжурчжэней.

Инструмент и обработка. По мнению ряда исследователей: «Даже современный косторезный инструментариум отличается определённой универсальностью и часто бывает заимствован из других сфер производственной деятельности, например деревообрабатывающей» [1-6 и 8-9]. Леонтьев на конкретном примере особо отмечает, что для обработки кости подходит лишь тот инструмент, который быстро не затупится и не наделает трещин [6, с. 22-23; с. 26]. Это были тонкие пилы с узким полотном с односторонними, мелкими, косо заточенными зубьями, свёрла, циркульные резцы, универсальные орудия – ножи, напильники, точильные камни [3-6 и 8]. Сам процесс включал в себя несколько этапов – отбор сырья,

термическая обработка (обезжиривание, путём вываривания кости, также обжиг), размягчение, полировка и шлифовка, что придавало прочность и податливость материала во время дальнейшей обработки, в которую входило: пиление, сверление и стёсывание [1-6].

Ко всему выделяется три вида художественной обработки кости: объёмная резьба, цветная гравировка, рельефная резьба [6, с. 32-44]. Первый вид представлен находкой на Горнохуторском городище фигуркой птицы (курицы) [5, с. 160]. Второй вид остаётся под вопросом относительно чжурчжэньской культуры. Третий вид, предположительно, может являться весьма распространённым ввиду чжурчжэньской традиции художественного оформления изделия с культовым подтекстом [9].

Однако экспериментальных реплик по чжурчжэньскому косторезному делу попросту нет, поэтому в точности проследить этапы обработки сырья, а именно сам момент придания конечной эстетической или функциональной формы, не представляется пока возможным. Единственным источником остаются этнографические данные о коренных народах Дальнего Востока [8].

Археологический материал по данной тематике, как говорилось ранее, представлен находками с крупных городищ и селищ чжурчжэней эпохи Восточная Ся (Шайгинское, Горнохуторское, Лазовское, Осиновское селище) в виде шильев, игольников, украшений, гребней, косметических шкатулок, ювелирных наковаленок, игральные принадлежности и др. Единственной обобщающей работой, где приводятся систематические данные по косторезному материалу чжурчжэней, является работа Лещенко [8]. Косторезный материал, представленный в этой работе, делится на четыре группы по функциональному признаку: I – Орудия труда и предметы домашнего обихода; II – Предметы конской упряжи; III – Предметы туалета и украшения; IV – Предметы для игр, которые делятся в свою очередь на категории, а те на виды. Также в этой работе

БИБЛИОТЕКИ

приводятся количественные данные по каждой категории изделий и их краткая специализация.

Но, несмотря на всю ценность данной работы, она имеет ряд упущений и необходимость ввода нового материала. Так, материал, опубликованный Э. В. Шавкуновым в его работе ещё в 1991 году [10], и Васильевой [3 и 5] не нашёл своего отражения в работе Лещенко.

Речь идёт о так называемых уховёртках или ухочистках, найденных на Шайгинском, Горнохуторском и Майском (Ханкайский р-н) городищах, представляющих немалый интерес наряду с гребнями и щётками как предмет туалета и гигиены. Причём эти небольшие узкие пластины длиной до 12,5 см, у которых один конец заострён, а другой имеет овально-продолговатую форму, был многофункциональным. Так, закруглённая часть служила для чистки ушей, а острый конец мог применяться для очистки ногтей рук от грязи; также уховёртка могла служить и шпилькой для волос [5, с. 159; 10, с. 104].

Выводы и перспективы. О чём нам говорят кости?

Таким образом, подводя итоги данной работы, можно утверждать, что малое количество находок, ввиду природных особенностей указанных территориальных рамок (Приморский край России), отсутствие экспериментальных реплик и небольшое наличие обобщающих работ и\или работ по узкой тематике, косвенно или напрямую касающихся данной тематики, – всё это создаёт затруднения при исследовании, сводя всё к чисто систематическому описанию материала, в дальнейшем получающего малую востребованность при интерпретации археологических данных. Об это пишет и А. П. Бородовский в своей работе, посвященной методике исследования древнего косторезного производства: «Признание этого вида материалов полноценным археологическим источником произошло сравнительно недавно, поэтому в тематических разделах

обобщающих и археологических публикаций, как правило, даны лишь скупые характеристик «кости» [1, с. 4].

В рамках данной работы удалось усмотреть следующее:

В условиях социальной и ремесленной дифференциации, у чжурчжэней косторезом мог являться крестьянин, ремесленник или воин, использующий своё умение в чисто прикладных целях [4, с. 51], но при этом имела прослойка узкоспециализированных ремесленников, занимающихся ювелирной обработкой кости. К таким выводам приходит и Бородовский, проведя экспериментальные разработки по изготовлению различных реплик на древнем косторезном материале юга Западной Сибири: «Среди вещей были такие, которые являлись доступными в изготовлении почти для всех (...) и такие, которые действительно требовали опыта косторезной обработки» [2, с. 121].

Также важно отметить, что известный мастер-косторез, имея постоянный спрос на свой товар (преимущественно знати), не мог себе позволить проводить дни на охоте, что указывает на наличие торговли этим сырьём и высокий материальный статус самого костореза. Причём Бородовский добавляет, что скупкой костей занимались не только ремесленники-косторезы, но и литейщики, используя их как топливо [1, с. 52-52]. Подобное можно предположить у чжурчжэней, где бы основу составляли кости домашних животных, учитывая их отопительную систему кан, требующую постоянного поддержания огня в очаге.

Бородовский, проводя исследования, отмечал, что обработка кости имела особенный алгоритм действий для каждого вида изделий [1, с. 40-41], что говорит об институте ученичества и подмастерьев, отмеченных Ленковым у чжурчжэней [7, с. 159] и Леонтьевым в чукотско-эскимосской косторезной традиции [6, с. 33]. Например, производство гребня требовало от мастера последовательности и точности действий, а также знание того, что предмет должен оставаться статичным для избегания поломки зубьев во время изготовления [2, с.103].

БИБЛИОТЕКИ

Раннее упомянутая уховёртка помимо утилитарной функции, как и большая часть предметов ремесла в это время, могла нести в себе не столько эстетическую, сколько культовую нагрузку, отражая мировоззрение чжурчжэней. Головка в виде змеи на одной из уховёрток, найденной на Горнохуторском, связана с распространённым у чжурчжэней культом змеи как символа здоровья и отступления болезни, на что обращает особое внимание Васильева [5, с. 159-160]. Те же игральные кости (альчики) или кубики могут рассказать о досуге воинов, крестьян, ремесленников и чиновников той эпохи.

Отсюда видно, что необходимость исследований по данной тематике диктуется тем, что косторезный материал, изделия из кости, являются косвенным или прямым отражением социально-экономических отношений, быта и культово-эстетической картины мира чжурчжэньского общества, о чём всё-таки свидетельствуют имеющиеся на данный момент исследования [3-5 и 7-10] и археологические данные по данной тематике. И попытки создания экспериментальных реплик, как и рассмотрение косторезного материала в контексте культуры и быта чжурчжэней, несколько бы продвинули историков к воссозданию более полной исторической картины прошлого Приморского края России в XII-XIII веках.

Список литературы:

1. Бородовский, А. П. Методика исследования древнего косторезного производства: учеб.-метод. пособие / Новосибир. гос. ун-т, Новосиб. гос. пед. ун-т., Ин-т археол. и этногр. СО РАН. – Новосибирск, 2008.
2. Бородовский, А. П. Древнее косторезное дело юга Западной Сибири (вторая половина II тыс. н.э.). – Новосибирск : Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 1997.
3. Васильева, Т. А. Дикие и домашние животные из материалов Горнохуторского городища / Т. А. Васильева, В. В. Гасилин // Мультидисциплинарные исследования в археологии. Вып. 3. Ремёсла и промыслы. – Владивосток : Изд-во ИИАЭ ДВО РАН, 2017. – С. 127–134.
4. Васильева, Т. А. Горнохуторское городище / Т. А. Васильева ; отв. ред. Н. Г. Артемьева // Средневековые древности Приморья. Вып. 2. – Владивосток : Дальнаука, 2012.– С. 41–55.
5. Васильева, Т. А. Костяные поделки из материалов Горнохуторского городища / Т. А. Васильева // Тихоокеанская археология. Вып. 12. Произведения искусства и другие древности из памятников Тихоокеанского региона – от Китая до Гандураса. – Владивосток, 2001. – С. 155–161.
6. Леонтьев, В. Юному косторезу / В. Леонтьев. – Магадан, 1959.
7. Леньков, В. Д. Основные виды ремесленных производств у чжурчжэней в XII-XIII вв. (по материалам археологических исследований) / В. Д. Леньков // Археология Северной Пасифики. – Владивосток : Дальнаука, 1996. – С. 152–160.
8. Лещенко, Н. В. Предметы из дерева и кости в хозяйстве и быту чжурчжэней / Н. В. Лещенко // История и археология Дальнего Востока. К 70-летию Э.В. Шавкунова. – Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2000. – С. 174–180.
9. Шавкунов, Э. В. Культура чжурчжэней-удигэ XII-XIII вв. и проблема происхождения тунгусских народов Дальнего Востока / Э. В. Шавкунов. – М. : Наука. Главная редакция восточной литературы, 1990.
10. Шавкунов, Э. В., Предметы личной гигиены чжурчжэней по материалам археологических исследований / Э. В. Шавкунов, Л. Н. Гусева // Мед.-соц. проблемы охраны здоровья населения на Дальнем Востоке. – Владивосток, 1991. – С. 100–108.